

≈ 11 мин

Источник: **Красный Горький. Избранные статьи (1896–1917)** [сб. статей]. — М.: Common place, 2016. — 264 с.

Мне присланы разными лицами несколько писем, — все они написаны в истерическом, воющем тоне, со страниц их брызжет тёмный, жуткий страх. Ясно чувствуешь — те, кто писал, переживают тяжёлые дни и часы, видишь, что много мучительно острых мыслей режет их сердце, пугает их сон.

«...Что случилось с этим добрым русским народом, почему он вдруг стал кровожадным зверем?»

— спрашивает дама, приславшая письмо на дорогой, пропитанной духами бумаге.

«Забыв Христос и его учение, поругана проповедь любви, нет уважения к человеку...»

— мрачно сообщает «дворянин Ф.» из Сум. И осведомляется:

«Вы довольны?»

«Где же плоды проповеди любви к ближнему, где влияние школы и церкви? — спрашивает Х. Бровцын из Тамбова. — Одни ругаются и грозят смертью, другие только жалуются и вопят, все взволнованы, всем тяжело и больно, всем жутко

жить в эти великие трагические дни».

Я не могу отвечать каждому порознь и отвечаю всем сразу.

Наступили дни возмездия, господа, дни расплаты за ваше преступное невнимание к жизни народа. Всё, что вы чувствуете, всё, что вас мучает, — вы заслужили. И я могу только одно сказать вам, одного пожелать — чтобы ещё глубже, ещё с большей силой вы впитали, поняли, пережили весь ужас этой жизни, созданной вами. Пусть сердца ваши дышат страхом, пусть кошмары давят ваш сон, пусть всё безумное и жестокое, что творится в нашей стране, жжёт вас, как огонь, — вы стоите этого. Это или погубит вас, или — быть может — очистит от грязи и пошлости всё честное и здоровое, что осталось в душе вашей, которую вы так мало берегли, наполняя её жадностью, властолюбием, ложью и всяческой скверной.

Сударыня! Вы хотите знать, что случилось с народом? У него лопнуло терпение. Он долго молчал, долго неподвижно подчинялся насилию, он терпеливо держал всю вашу жизнь на своей спине раба, и вот — больше не может! Он сбросил ещё далеко не всю тяжесть, насильно возложенную на него, — вы рано испугались, сударыня!

И почему бы — давайте говорить откровенно — почему не быть ему зверем? Что сделали вы для того, чтобы он не был таким? Вы чему-нибудь разумному научили его, что-нибудь доброе посеяли в душе его?

Вы всю жизнь только брали его труд, его последний кусок хлеба, брали легко и просто, не понимая, что вы берёте; вы жили, не спрашивая себя, чем, чьею

силой вы живы. Вы дразнили голодного и нищего богатством ваших нарядов, когда жили на даче, около мужиков, вы смотрели на них как на людей низшей расы. Они всё это понимали. Они довольно чуткие люди и не очень уж злые, но вот вы разозлили их наконец. Это ведь очень просто: пируя на глазах нищих, нельзя ожидать от них благодарности; ваше пение, ваша музыка не могли облагородить голодного, ваше снисходительно брезгливое отношение к мужику не могло воспитать в душе его уважения к вам. Что вы сделали для него? Вы позаботились о том, чтобы он был мягче сердцем? Вы ожесточали его. Вы хотели, чтобы он был умнее? Вы не думали об этом. Мужик был для вас рабочее животное, иногда вы забавлялись им, как дикарём, вы никогда не смотрели на него как на человека, что же удивительного, что он зверь для вас?

Сударыня! В вашем вопросе не только ваше незнание жизни, в нём есть и лицемерие грешника, который уже чувствует, что согрешил, но ещё не хочет искренно покаяться.

Вы знали, вы не могли не видеть, как живёт мужик. Человек, которого бьют, рано или поздно даст сдачи; человек, которого не жалеют, не может жалеть, — это ясно. Хуже — это справедливо. Поймите меня — ужас не в том, что бьют, а в том, что не могут не бить, не в том ужас, что не жалеют, а в том, что не могут жалеть.

Как можете вы искать жалости в сердце, где вами посеяна месть?

Сударыня! В Киеве добрый русский народ выкинул из окон дома Бродского вместе с мебелью гувернантку и бережно сохранил канарейку в клетке. Подумайте над этим — маленькая жёлтая птица вызвала что-то вроде

сострадания к себе, а человек был выкинут из окна. Сострадание, видимо, есть, но человек, должно быть, не заслужил его — вот где ужас и трагедия.

Сударыня! Уверены ли вы в своём праве требовать, чтобы с вами обращались, как с человеком, если вы сами всю жизнь относились к человеку без жалости, без сострадания, не признавая в нём равного себе?

Вы пишете письма, вы грамотны; вероятно, вы читали книги, изображающие жизнь мужика? Чего вы хотите от него для себя, если, зная, как он живёт, вы не могли изменить его жизнь к лучшему? И вот он изменил вашу жизнь к худшему, заставив вас дрожащей от страха рукой писать полные отчаяния письма к человеку, который — вы бы должны это знать — не захочет рассеять ваш страх, не захочет утешать вас, нет!

Возмездие естественно. Мы живём в стране, где людей до сего дня секут, хлещут нагайками, забивают палками до смерти, где ломают рёбра, бьют по лицу ради забавы, где нет предела насилиям над людьми, где формы мучений

разнообразны до отвращения, до безумного стыда. Народ, воспитанный в школе, так похожей на лубочное изображение адских мук, народ, воспитанный кулаками, розгами и нагайками, не может быть мягкосердечен. Человек, которого в участке топтали ногами, становится способен топтать ногами подобного себе. В стране, где так долго царило бесправие, трудно народу сразу признать силу права, невозможно требовать справедливости от него, незнакомого с нею. Это надо понять, это так же просто, как жестоко. Всё естественно там, где обществом и вами, сударыня, допускались без протеста все ужасы насилия над людьми. Люди теперь глубже чувствуют, и косою взгляд, брошенный вами сегодня на вашу горничную, равен пощёчине, которую давал ваш отец своему лакею пятьдесят лет тому назад. Люди растут, и растёт в них чувство достоинства, но с ними обращаются всё ещё как с рабами, и животное не исчезает в них.

Сударыня! Не требуйте от людей того, чего вы им не давали. Вы не имеете права на сострадание, ибо вам оно неведомо. Народ мучили и мучают все, кто имел и имеет один золотник власти над ним. Теперь, когда наше бездарное правительство довело страну до анархии, все её тёмные силы почувствовали призрачность той власти, которая давила их века, и вот они поднялись, встали и мстят всем за всё, что вытерпели в долгую ночь бесправия.

Но есть в стране другая, светлая сила, озарённая великой мыслью, охваченная яркой мечтой о царстве справедливости, свободы, красоты... А впрочем, сударыня, тому, кто родился слепым, я не могу передать на словах красоту и величие моря...

Люди, которые говорят и пишут о любви к ближнему, всегда были глубоко противны мне, как лицемеры и лгуны, — я слишком хорошо знаю жизнь для того, чтобы верить им.

Эх, господа! Имейте мужество быть правдивыми! Ведь всё так ясно, так понятно.

Когда вы говорите о любви, вы вашей сладкой речью хотите только заговорить зубы ваших ближних, оскаленные голодом и злобой, вам кажется, что, смягчив любовью сердца озлобленных и угнетённых вами, вы можете ослабить силу их справедливой мести. Вы лицемерите, когда зовёте братьями людей, которых вы поработили, вы лжёте, проповедуя любовь тем людям, в сердцах которых вы сами же посеяли зависть, ненависть и злобу. Вы искренни, конечно, когда советуете ближним вашим: любите нас. Но вы скрываете за этими словами другие, более правдивые слова: несите терпеливо, не возмущаясь, без ропота тяжёлый гнёт труда, унижения, нищеты, возложенной нами на ваши спины. Но вы все нагло лжёте, когда говорите своим рабам: мы тоже любим вас.

Рабов — нельзя любить! Их можно только презирать или бояться.

И вот вы учите рабов любви из страха перед ними.

Евангелие? Его страницы давно захватаны грязными руками насильников, правда его стёрта лицемерами, но вы и за него хватаетесь как за оружие для защиты своей от прилива справедливости, облечённой в такие жестокие формы вашей лжи, вашим лицемерием.

В сердцах у вас нет любви, там тесно улеглись три стооких жабы, ревниво охраняющие дремотный ваш покой и равновесие души от вторжения жестокой правды жизни и творческого чувства, в сердцах у вас три цербера — Жадность, Пошлость, Ложь.

И нет у вас уважения к человеку — как можете вы уважать другого, когда не уважаете себя?

Я не оправдываю жестокости, которую вы сами сделали законом жизни, я только говорю, что в стране, где все вы так долго допускали произвол и насилие, — в этой несчастной стране среди вас нет правых, нет достойных сострадания...

(1905)

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.